

— Евгений, как вы можете прокомментировать события с точки зрения артиста?

— Мне грустно от того, что сейчас происходит в Авиньоне. Грустно не столько потому, что Франция потеряла много денег, а потому, что не приехали зрители, которые любят театр, театральное искусство. А сейчас такое ощущение, что по городу ходят в основном те, кто приехал на off-Авиньон, то есть в неофициальную программу. Но это еще не театры, а те, кто только пытается ими стать. Может быть, я мало видел, но уровень их достаточно самостоятельный.

— Как русский актер, вы не прикидываете на себя ситуацию с забастовками? Наши смогли бы так яростно биться за свои социальные права?

— Невозможно. И в нашем театре, и в русском вообще. У нас бывают исключительные ситуации: что-то вдруг случается, кто-то не пришел, но мы выискиваем любой способ, чтобы спектакль не отменился. Потому что это ответственность и за собственное лицо, и перед зрителями.

— Насколько я вас правильно поняла, вы осуждаете французских коллег за то, что они сорвали самый известный национальный фестиваль?

— Осуждаю. Хотя, наверное, это слово в данном случае неуместно: я не имею права никого судить. Но я смотрю на ситуацию с точки зрения нашей страны: те социальные гарантии, за которые бьются французы, для нас неприемлемы. Те зарплаты, которые есть у нас, — минимальные, их вряд ли можно считать средством к существованию. Ведь безработным во Франции сотрудникам театров (артистам, но в большей степени технарям) выплачивали пособие за 507 часов работы в году, а сейчас эту сумму ненамного уменьшили. У нас таких гарантий нет, а значит, и спорить не о чем. И еще — такой социальный протест не в менталитете русских актеров.

— Вас, привыкшего работать на больших сценах, не смущает, что спектакль "Берлиоз", заявленный в off-программе, вы играете в маленьком зале на 90 мест?

— Сюда я приехал, потому что хотел попасть на театральный праздник в Авиньон, и когда мне предложили работать на off, я знал условия, в которых придется играть. Я же не знал, что фестиваль отменят, может быть, тогда отказался бы. Хотя в первые дни, когда забастовки усиливались, все-таки оставалась надежда, что фестиваль сохранят. Ну а маленький зал... что ж, играешь для тех, кто приходит.

В Авиньоне, где социальная активность театрального люда подогревается безумной жарой, догорает знаменитый фестиваль. В off-программе среди 97 групп — только одна русская. Театр наций привез спектакль "Берлиоз". Великого сына французского народа играет ведущий актер Театра имени Вахтангова, новый ректор "Щуки" Евгений Князев. Русский Берлиоз ходит по городу в шортах, как и все, угорает от жары, обливается водой и наблюдает за тем, как его иностранные коллеги борются за свои социальные права. С ним побеседовала Марина РАЙКИНА.

Берлиоз против революций

ЕВГЕНИЙ КНЯЗЕВ: "ЗАБАСТОВКИ НЕ В МЕНТАЛИТЕТЕ РУССКОГО АКТЕРА"

— Вы играете великого сына французского народа — композитора Гектора Берлиоза.

— До прочтения пьесы Сергея Коробкова я, кроме того, что он композитор, ничего не знал. Из музыки слышал только "Реквием" и "Фантастическую симфонию". Ну а когда прочитал мемуары, понял, что он совсем не подарок.

— Вы уже получили реакцию француз на образ их соотечественника в русском исполнении?

— Мы специально перед спектаклем выкладывали пьесу, и могу сказать, все экземпляры уже почти разобрали. Эта тема французам интересна, все повторяют: "Гений, гений", а история гения долгое время во Франции не исполнялась. Нас уже пригласили на

фестиваль в Экс-ан-Прованс, где будет исполняться программа Берлиоза и в ее рамках мы покажем свой спектакль.

— Не знаю, как насчет трудного характера, но если судить по фотографиям, то внешне вы похожи на Берлиоза. Вам этого здесь никто не говорил?

— Французы говорили, что им нравится мой темперамент и что именно таким они себе Берлиоза и представляли. Когда мы в Москве сдали спектакль и выпустили программу, моя дочка пришла ко мне с этой программой, которую я еще не видел, и спрашивает: "Папа, а вот это твой портрет?" — "Нет, не мой", а смотрю, и действительно — похож на меня. Или я похож на него. Берлиоз умер в 67 лет, жил трудной жизнью, потому что его не признавали. Уехал из Франции, ему каза-

лось, что его преследуют, все против него. И такой парадокс — ему дали возможность репетировать в опере 3 дня, он ждал своего звездного часа, триумф вот-вот состоится, и на тебе — накануне концерта над Парижем разразился сумасшедший ливень с грозами. И фактически представление было сорвано, потому что публика не смогла прийти. Кто виноват? Судьба... Тогда Берлиоз уехал в Англию и там руководил оркестром. Существует даже анекдот, что великие композиторы — покойники отказали Гектору в погребении. Сказали, что он нам не сотоварищ, даже в загробном мире.

— В этом году вас избрали ректором Театрального училища имени Щукина. Ваша программа имеет ноу-хау?

— Любая программа с новаторством в педагогической истории, поверьте, не самое лучшее. Педагогика консервативна, и за 4 дня артиста воспитать нельзя. Я хочу, чтобы новаторство было в открытии мира для ребят, чтобы они принимали участие в фестивалях, делали много самостоятельных работ. И та программа, которая существует с 1914 года и ее предложил Вахтангов, должна быть.

— Что бы вы хотели ввести в программу "Щуки" из того, чего не было тогда, когда учились вы?

— Что современному артисту нужно? Музыка, пластика, движение. Когда я учился, эти дисциплины были 2 раза в неделю, а теперь они — каждый день. Сейчас есть джаз-танец, степ. Более того, сейчас мы создаем музыкальную кафедру и попытаемся собрать курс, где больший упор будет сделан на танец, музыку, движение.

— Как будет решена проблема с распределением? Ведь не секрет, что лучших забирает Вахтанговский театр, а остальные...

— Мне хотелось бы, чтобы наша школа была элитарной. Может быть, и надо меньше брать студентов, хотя курс у нас небольшой — 25 человек. Парадокс заключается чаще всего в том, что человек, поступив на бесплатное место, относится к учебе кое-как, а те, кто поступает на платное, они, что называется, землю роят. И часто мы делаем рокировку, когда студент с платного за успехи переводится на бесплатное. А с бесплатного мы имеем право студента только отчислить или предложить ему бездельничать, но за свои деньги.

— Насколько я понимаю, вы жесткой рукой руководите "Щукой".

— А у меня другого выхода нет.

Князев Евгений

28.07.03